

УДК 82-1 (17.82.10)

И. Р. Санникова

ХРИСТИАНСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА

Рассматривается художественное осмысление христианских образов и мотивов в лирике поэта русского дальневосточного зарубежья Арсения Несмелова. Анализируются библейские реминисценции, образы святых, храма, ангелов, мотив молитвы, Страшного суда, раскрывается их литературное наполнение. Изучается проблема художественного восприятия А. Несмеловым Бога и веры, отмечается отсутствие богоборческих мотивов, синтез различных религиозных направлений, восприятие веры как символа дореволюционной России.

Ключевые слова: русское зарубежье Дальнего Востока, Арсений Несмелов, поэзия, рецепция, христианские образы и мотивы, дореволюционная Россия, эмиграция.

Религиозные – прежде всего христианские – основы русской культуры являются одним из важных объектов литературоведческих исследований. Желание осознать православное начало в творчестве поэтов и писателей подталкивает исследователей к осмыслению светского и религиозного содержания в лирике. Тенденция осмысления христианской культуры проявляет себя в работах В. С. Соловьева, Е. И. Анненковой, И. А. Виноградова, В. А. Воропаева, С. А. Гончарова, М. М. Дунаева, В. Н. Захаровой, А. М. Любомудрова и др. Стоит отметить работы Т. В. Федосеевой «Христианские ценности в ранней прозе В. К. Кюхельбекера» [1, с. 42–56], И. А. Спиридоновой «Молитва в лирике А. Блока («Девушка пела в церковном хоре»)» [1, с. 280–297], С. О. Захарченко «Евангельские образы и мотивы в стихотворениях», С. Орлова о Куликовской битве в сравнении с циклом А. Блока «На поле Куликовом» [1, с. 297–311], О. А. Колоколовой «Христианские мотивы в „военных“ стихах сборника Н. С. Гумилева „Колчан“» [1, с. 311–323] и др. в сборнике «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» [1]), работы П. Г. Пустовойт «Христианская образность в романах Ф. М. Достоевского» [2, с. 82–91], А. А. Нестеренко «Роль и место христианской проповеди в художественном творчестве» [2, с. 97–103], В. В. Кускова «Православные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова» [2, с. 134–141], В. А. Никитина «Христианская поэзия А. К. Толстого» [2, с. 183–191] и др. в сборнике «Русская литература XIX века и христианство» [2], работу В. Н. Касаткиной «Вера и неверие Ф. И. Тютчева» [3, с. 76–88] в сборнике «Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX в.» [3], работы В. А. Котельникова «Любить и лелеять недуг бытия» (О философских и религиозно-этических мотивах в лирике Е. А. Баратынского» [4, с. 3–18], О. Л. Фетисенко «Два этюда о Леонтьеве. I. Богородичная икона как жизненное упование и творческая тема Константина Леонтьева. II. «Варшавский дневник» и «Варшавская поэма» (О возможном источнике одного из образов поэмы А. Блока «Воз-

мездие»)» [4, с. 357–370] в сборнике «Христианство и русская литература» [4]. Эти и другие работы позволяют говорить о художественном осмыслении религиозных образов и мотивов в русской литературе.

Рассмотрение творчества Арсения Несмелова с точки зрения рецепции христианских образов и мотивов обусловлено характером изучаемого материала, в котором выделяются размышления о религии, Боге и вере, о значимости данных категорий в жизни человека, общества, страны. До настоящего момента художественное наполнение христианских образов в поэзии А. Несмелова не выступало предметом исследования, чем и обуславливается актуальность представленной работы. Исследуется не только религиозная лексика, но и слова, имеющие религиозную смысловую окраску, их значение, принципы функционирования, контекстуальные значения. Представленные данные позволяют по-новому оценить художественное воплощение религиозной темы в поэзии русского эмигранта Арсения Несмелова, наметить путь к системному анализу образов и мотивов христианского характера, определить творческое и идейное единство дальневосточной и западной эмиграции в душевной тоске по дореволюционной России, в стремлении развивать русскую культуру на чужбине.

Вопрос о личной религиозности русского поэта до сих пор остается открытым. Евгений Витковский в своем предисловии к собранию сочинений А. Несмелова написал: «Трудно сказать, был ли Арсений Несмелов верующим человеком» [5, с. 34]. Данное исследование не предполагает поиск ответа на этот вопрос. Но анализ поэтических произведений показывает, что библейский текст поэту был хорошо знаком, и лирик обращался к нему, чтобы осмыслить современный мир через Вечную книгу. Изучение религиозных, в частности христианских, образов и мотивов позволит определить художественное мировосприятие А. Несмеловым окружающей его реальности, выявить основные направления в религиозных исканиях лирического героя.

В стихотворении «Броневик» библейские образы Давида и Голиафа позволяют лирическому ге-

рою осмыслить произошедший в России переворот как противостояние света и тьмы. Но при этом он не берет на себя ответственности за то, чтобы определить, кто прав, а кто нет, время само расставит все по местам и определит виновных: «Кто Голиаф из них и кто Давид – / Об этом будущее прогредит» [6, с. 93].

В стихотворении «Нищие духом» поэт в качестве эпиграфа использует евангельский эпизод, в котором Иисус Христос повелевает Петру пойти по воде, и тот совершает шаг веры. Лирическое сознание героя противопоставляет современную духовность поэтов и новозаветную духовность. Поэты современности не в состоянии сделать шаг к вере, так как, по мнению лирического героя, современная лирика лишена искренности и личного переживания:

Мудрость наша – липкость книжной пыли,
Без живого запах флакон [6, с. 131].

В стихотворении «Касьян и Микола» поэт обращается к образам двух святых угодников. Образ Касьяна в начале стихотворения подчеркивается традиционными литературными оборотами: «блистающие ризы», «очи долу». Но в обращении к Богу у него проявляется зависть: «Почто, Творец, Миколу / Ты столько возлюбил?» [6, с. 146]. Угодник Николай предстает в несколько гротескном виде – «в старой ряске», «...на ряске земляца и грязца». Поэт изображает умиление Бога тем, что угодник готов промедлить в исполнении Божьего приказа ради помощи людям. В своем произведении А. Несмелов продолжает библейскую антитезу фарисейства и подлинной праведности. По замыслу автора, Касьян предстает в виде фарисея, в то время как Микола, не задумываясь о праведности, творит добрые дела, чем и угождает Богу. Художественное осмысление образов святых угодников помогает понять, что мужество, стойкость и спокойствие в перенесении жизненных трудностей – есть духовная основа победы добра над злом.

Сборник стихотворений «Белая флотилия», опубликованный поэтом в 1942 году, пожалуй, чрезвычайно насыщен религиозными мотивами и образами. Само название сборника многозначно: оно отсылает читателя одновременно и к событиям прошедшей Октябрьской революции, в ходе которой были уничтожены российские армия и флот, и к духовному миру поколения того времени. Так, лирический герой стихотворения «Сыплет небо щебетом невидимок-птаха...» наблюдает движение флотилии грозных облаков на небе, которая после бурь «плавно, без усилия, / Шествует в лазурь...» [6, с. 148]. Возникает невольная аналогия с белой армией, которая после тяжелых земных испытаний отправляется на небеса. Весь сборник пропитан тоской по исчезающей русской интеллигенции, в основе духовного мира которой была вера.

В трех стихотворениях сборника «Ушли квири-ты, надышавшись вздором...», «Сотник Юлий» и «Христианка» представлены образы двух противостоящих культур – римской и христианской. Рим предстает здесь в разлагающемся, умирающем виде:

Палач пытал раба в карнифицине.
Выл пес в Субуре, тощий, как шакал.
Со стойком в таберне спорил циник.
Плешивый цезарь юношу ласкал [6, с. 150].

И среди этого разложения звучит весть о большем, нежели земное бытие, – о Боге, который разрушил законы смерти:

Жизнь билась жирной мухой в паутине
Трепещущей. Жизнь жаждала чудес.
Приезжий иудей на Авентине
Шептал, что Бог был распят и воскрес
[6, с. 150].

Вместе с тем христианство обеспечивает бессмертие и самому Риму. Узник Павел вносит имя сотника в вечную книгу: «И он его столетьям передаст, / Любовно упомянутое в Книге...» [6, с. 151]. Римский патриций, перед глазами которого мелькнула христианка, преображается: любовные утехы, радость материального уступают место духовному, пойманному им взгляду девушки-христианки. Его мысли заняты этим виденьем, мгновеньем, открывшим его духовные глаза: «...Но он – он думает о нем, / О ней, дохнувшей новой силой...» [6, с. 152].

Продолжает тему преображающего взгляда стихотворение «Глаз таких черных, ресниц таких длинных...». Оно коррелирует с библейской «Песней Песней». Но место Суламифи здесь занимает иная восточная красавица. Суламифь вдохновила библейского царя Соломона сложить песню в ее честь, чем и обессмертила свое имя. И в этот раз красота, но иная, побуждает царя воспеть ее:

В царственных взлетах, в покорном паденьи –
Пение вечных имен...
«В пурпур красавицу эту оденьте!»
Кто это? – Царь Соломон!» [6, с. 156].

Вера, религиозные образы и символы помогают героям А. Несмелова противостоять суровой реальности, не теряя духовность, тем самым автор акцентирует внимание читателя на религии как источнике духовных сил для борьбы с враждующей, жестокой действительностью. Так, для лирического героя стихотворения «Подарок» Евангелие оказывается защитой от мирового зла. К нему в окоп падает ель, сваленная взрывом, ветви которой покрыты человеческой кровью. Рождественское дерево вместо идеи жизни и гармонии несет весть о смерти:

Взял тогда Евангелье я с полки,
Как защиту...ужас душу грыз!
И сияли капельки на елке,
Красные, как спелый барбарис [6, с. 161].

Герой стихотворения «Отречение», пережив драму потери любимых, закрывает свое сердце для любви и жалости. Так он пытается уберечь себя от ожесточения и бунта против Божьего мироустройства:

Не хочу дробящих сих колес,
Не хочу у черного порога
Надрываться от бессильных слез,
Не хочу возненавидеть Бога [6, с. 181].

Стихотворенье «До завтра, друг!» демонстрирует бренность земного бытия. Лирический герой видит друга, лежащего в гробу в храме. Его душу наполняет тоска, но он верит в скорую встречу с другом:

Блаженство безмятежного покоя.
Ушел – уйдем. К кресту усталых рук
Прижался нежный стебелек левкоя:
Привет с земли. Прости. До завтра, друг!

[6, с. 184].

В стихотворении «Родина» появляется образ храма. Для лирического героя храм ассоциируется с дореволюционной верующей родиной, с Россией: «А за рекой, за ней, в покосах, / Где степь дымила сувой пустырь, / Вставал в лучах еще раскосых / Зарозовевший монастырь» [6, с. 186]. Образ храма помогает лирическому герою вновь и вновь возвращаться к тем счастливым, искренним временам.

Стоит отметить, что мотив храма в поэзии русских эмигрантов, и в частности у А. Несмелова, часто выступает в категории хронотопа. Время и пространство эмиграции исчезают, но появляется образ дореволюционной (время) России (пространство). Так, и в стихотворении «Тихвин» бытие монастыря определяет и существование самого города, а его гибель – разрушение Тихвина:

Потому что чудища из стали
поползли по улицам не зря,
Потому что ветхие упали
Стены старого монастыря [6, с. 187].

Богоматерь, покровительница города, оплакивает его судьбу. В этом случае гибель города соотносима с евангельским распятием Христа, смерть которого оплакивала Мария Магдалина. Вместе с тем, несмотря на общую минорную тональность стихотворения и на отсутствие в самом тексте оптимистических нот, соотношение с евангельским текстом обнадеживает читателя на воскрешение города подобно воскресению самого Спасителя.

Небезынтересно стихотворение «Освищенный поэт», в котором лирический герой размышляет над поэтическим трудом. Здесь звучит мотив греха, поэтические тексты осмысливаются с точки зрения грехов, доставшихся поэту от прошлых поколений, и его творчество отражает этот груз:

Грехи отцов и прадедов грехи –
Вот груз тоски на точках нервных клеток.
И этот груз, кладя и так и этак,
Я на плечах тащу через стихи [6, с. 204].

Здесь можно говорить о сопутствующем мотиву греха мотиве покаяния, которое выражается через творческий акт. Тема творчества продолжена поэтом в стихотворении «Достоевский»: в начале стихотворения Бог говорит лирическому герою:

В углах души шуршит немало змей,
От тонких жал в какую щель забиться?
Но Бог сказал: «Страдай, ищи... сумей
Найти меж них орла и голубицу» [6, с. 206].

В соответствии с Божьим приказанием человек не должен уходить от уродств бытия, но искать там «орла и голубицу». Согласно библейской образности, орел может символизировать божественное, Бога, а голубица символизирует кротость, смирение. Иными словами, художник слова призван искать духовное, божественное начало в окружающей его реальности, не страшиться, не убежать от ужасающих форм бытия, но находить в них прекрасное.

Нехристианское, но особое, философско-религиозное наполнение в поэзии Арсения Несмелова получает образ женщины. Лирический субъект стихотворения «Еврейка» взывает не к конкретной еврейской женщине, но к некоему собирательному образу, в котором воплощаются ветхозаветные героини:

Единая под тысячью личин
(Ревеки, Лии, Сары и Юдифи),
Ведь это вы, одушевив мужчин,
Бросали их гореть в бессмертном мифе!

[6, с. 207].

На взгляд автора, этот образ коррелирует с образом Вечной женственности, Софии из философии Владимира Соловьёва. Как София позволяет человеку приблизиться к Божественному, так и «Единая под тысячью личин» приобщает мужчин к вечному. Синтез разных религиозных направлений, философского течения позволяет автору создать более сложный и интересный образ женщины, подчеркнуть ее особую историческую значимость.

Любовь к России, вера в нее живет в лирическом герое. В стихотворении «За 800 верст» звучат такие слова:

Хорошо, что вы есть, что ваш
Голос слышен до океана,
До страны, что живет, жива
По Евангелию Иоанна [6, с. 214].

Здесь обращают на себя внимание два момента. Во-первых, голос поэтессы, к которой обращено стихотворение, достигает Родины: бытие прошлого России во много обусловлено силой голоса творца. Во-вторых, жизнь по Евангелию от Иоанна. Можно предположить, что речь идет не только о жизни по заповедям Божьим, но и о ситуации, описанной в начале этого Евангелия: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоан.1:5), т. е. Слово поэта неподвластно времени и смерти, оно наполнено божественной силой.

Стихотворение «Самое обыкновенное» отражает ситуацию Божьего избрания и, как следствие, преобразования избранного Богом человека. Первая строфа детализирует быт героя: предельная материалистичность:

На Каланчевской пять, квартира три,
Жил человек. Труслив, к тому ж развязен.
На желтом лбу его цвели угри,
Воротничок всегда помят и грязен [6, с. 216].

Характерен цветовой эпитет – желтый лоб героя. Как известно, желтый цвет зачастую имеет негативную символику: демонизм, злоба, зависть, безумие, отвращение, тоска, смерть. Встреча с Христом меняет все:

И стало так. Он жил теперь в пустом
Пространстве рокота и вихревого гула,
А по ночам беседовал с Христом
В саду, у склона горного аула [6, с. 216].

Преодолевая законы времени, Христос переносит героя в прошлое, в лес, подальше от городской жизни. Но лирический герой, объединяя себя с современниками, сетует на то, что они не способны были увидеть святого рядом с собой, в своей современности:

И память старца праведного чтим,
Не ведая, не знающие крылий,
Что вот прошел он спутником твоим,
что с ним вчера еще мы вместе жили
[6, с. 216].

Обыденность, излишний материализм мешают человеку познать религиозные истины, вынести из них лучшее для себя.

Особенно интересна художественная реализация христианских образов и мотивов в стихотворении «Орбита», повествующем о повторяемости путей, человеческих судеб людей, обреченных на поэтический подвиг. Художники слова, подобно звездам, совершают движение по одной орбите. Стихотворение насыщено религиозными мотивами и образами. Начало пути поэта – это встреча с Богом («с самыми лучшими ты видел Бога»), но затем он оказывается на противоположной стороне. Он повторяет судьбу богопротивника, дьявола, вечного отрицания жизни. Но, несмотря на это отрицание, он не отказывается от жизни, но продолжает слушателям его стихов демонстрировать жизнь. Лирическое сознание констатирует, что движение поэта не доходит до логического конца: «Твой дьяволенок посажен на цепь – / Вырасти в дьявола он не смог» [6, с. 241]. Это обрекает поэта на посредственность и серость, на отсутствие духовности и смысла в его творчестве.

Общее чувство изгнанничества русской эмиграции в стихотворении «Возвращение» реализуется с помощью евангельской притчи о блудном сыне. Только, в отличие от притчи, финал иной. В еван-

гельском повествовании младший сын под кровом отчего дома находит успокоение. В стихотворении герой, напротив, добивается успеха на чужбине, а дома находит смерть и разруху, что побуждает его поднять взор к небесам:

Город черен, грозный город спит.
Рыжий котик возле ног пищит.
Взял зверька под теплое пальто,
А глаза – к звезде. В глазах: «За что?..»
[6, с. 248].

Образ звезды реминисцирует читателя к Вифлеемской звезде и дает надежду герою на печальное, но мудрое значение происходящего.

Стихотворение «Мы свято верим в тебя, Россия» также насыщено христианскими реминисценциями. Прежде всего анафористическое начало каждого катрена (Христос воскрес) утверждает веру в воскресение России. В первом катрене образ пути (тернистые дороги) можно соотнести с евангельским учением об узком пути в Царство Божие. В этом случае исторические события осмысливаются как необходимые испытания страны на пути к миру и процветанию. Христово воскресение как прообраз восстановления России противопоставлено настоящему времени, как свет тьме, появляются соответствующие антитетичные образы-символы – свет/тьма, ночь, мрак; счастье/лишенье и тревоги; воскресение/смерть; святые победы/проклятые, лихие, злые годы. Соответственно христианскому образцу противопоставлены и временные планы: славное прошлое предвещает счастливое будущее, но – через страшные страдания.

В схожем контексте использует А. Несмелов мотивы христианских праздников, которые дают возможность читателю соприкоснуться с утраченной Родиной. Так, в стихотворении «Москва Пасхальная» праздник имеет в большей степени культурный, нежели религиозный смысл. Но вместе с тем Пасха мистически соединяет эпохи: Старую Русь и Россию Романовых:

На осколок Руси стародавней,
Вновь воскресшей через триста лет...
Этот домик, хлопающий ставней, -
Ведь таких давно нигде уж нет!
Две эпохи ночь бесстрастно весит,
Ясен ток двух неслиянных струй.
И повсюду под «Христос Воскресе»
Слышен троекратный поцелуй [6, с. 291].

Праздник Христова воскресения не только соединяет эпохи, но и примиряет их. Отсюда можно сделать вывод о звучании здесь робкой надежды на чудо примирения прошлого и настоящего, на возрождение духовных ценностей дореволюционной России.

Особая сила русской духовности представлена в стихотворении «Старый знакомец»: пасха и Бог

соединяют русское семейство и боя-ламозу. Китаец верит одновременно и в черта, и в «таинственность лисиц». Но он выделяет русского Бога, поскольку для него Бог выражается в делах его хозяев:

«Русский есть хороший люди!» –
Вася твердо говорит.
Почему? И некий отзвук
Из глубин души истек:
«Потому что у ламозы
Бог как люди: добрый Бог» [6, с. 310].

Чудо воскресенья не только соединяет русских эмигрантов с Родиной и ее культурой, с прошлым, друг с другом, но и позволяет преодолеть национальные барьеры.

В стихотворении «Великим постом» лирический субъект уравнивает святость и русскую культуру. Он начинает размышление с того, что эмигранты утратили очень многое на чужбине за четверть века, но они продолжают хранить свою веру:

Но веру нашу свято мы храним,
Мы прадедовский бережем обычай,
И мы потерь не сделали добычей
То, что считаем русским и святым [6, с. 333].

Лирический герой подчеркивает, что вера в русских эмигрантах укрепляется среди тяжелых испытаний. Образ Великого Поста позволяет герою оценить настоящее как скорбь, которую необходимо пережить. Лирическое Мы ощущает свою избранность, поскольку «...нас благословила // Твоя рука, Нерукотворный Спас!». Следует отметить, что христианство для героя А. Несмелова – это не столько библейское, сколько православное, русское христианство. Православная вера как составляющая русской культуры, поэтому свою миссию лирическое Мы видит в сохранении русского языка:

С какою бы grimасою суровой
Грядущий день не выходил из тьмы,
Но русской вере не изменим мы
И не забудем языка родного! [6, с. 334].

Обращение к Всевышнему о помощи выражается в произведениях А. Несмелова посредством художественной реализации мотива молитвы. Как отмечает Т. Е. Яцуга, «жанр молитвы испокон веков, по мнению ученых, связан с молчанием, ти-

шиной, безмолвием» [7, с. 43]. Но лирический герой Несмелова не молчит. Так, в стихотворении «Молодая весна» герой ходатайствует Богу о мире, о людях, прося, чтобы Бог «наградил их весной»: «Всех их, Боже, помилуй / И весной награди. / А без этой награды / Жизнь темна и тесна...» [6, с. 279]. Лирический субъект настолько слит с этим миром, понимает его, что, молясь, не боится высказать Богу свое неприятие мира без весны, как обновляющего бытие начала жизни. Заключительная строка последнего катрена звучит как приговор Богу и мироустройству. На взгляд автора, данное наблюдение позволяет говорить о синтезе христианских и языческих культур в поэзии А. Несмелова.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было выявлено, что христианские мотивы и образы выражают идейное содержание в поэзии Арсения Несмелова, определяют своеобразие сюжетных сцеплений, поддерживают смысловое напряжение внутри текста, т. е. представляют собой единое структурно-семантическое целое, своего рода «кристаллическую решетку» произведения. В данном случае можно говорить об использовании А. Несмеловым христианских образов, мотивов в качестве инструмента выражения авторского взгляда. На авторский взгляд, А. Несмелов так же, как и другие поэты западной и восточной эмиграции, стремился своим творчеством способствовать сохранению ценностей и традиций русской культуры, творил ради духовного преобразования России, независимо от того, суждено ли было вернуться домой или умереть на чужбине. Для Несмелова, как и для всех эмигрантов, христианская, а именно православная культура, была важнейшей составной частью национального самосознания, мироощущения образованного русского человека. Художественное осмысление христианских образов в произведениях Арсения Несмелова подчеркивает особую, неразрывную связь религиозных и патриотических чувств русской эмиграции на Дальнем Востоке. Как и в творчестве многих поэтов рубежа XIX–XX вв. в России, в поэзии А. Несмелова «Библия и другие значимые в культуре тексты используются как источник вдохновения, а не догма» [8, с. 39].

Список литературы

1. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Вып. 6 / ответ. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2011. 408 с.
2. Русская литература XIX века и христианство. М.: Изд-во МГУ, 1997. 383 с.
3. Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века: межвуз. сб. науч. тр. М.: Московский пед. ун-т, 1997. 181 с.
4. Христианство и русская литература. Сб. 7. СПб.: Наука, 2012. 408 с.
5. Витковский Е. Формула бессмертия // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. I: Стихотворения и поэмы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. С. 3–34.
6. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. I: Стихотворения и поэмы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. 560 с.
7. Яцуга Т. Е. Молитва и наставление в лирике З. Гиппиус в свете теории регулятивности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2004. Вып. 1 (38). С. 41–44.

8. Бабенко И. И. Сакрально-религиозный компонент в языковой и концептуальной картине мира М. Цветаевой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2005. Вып. 3 (47). С. 33–39.

Санникова И. Р., аспирант.

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

Ул. Кирова, 17/2, Комсомольск-на-Амуре, Россия, 681000.

E-mail: euphoria1982@mail.ru

Материал поступил в редакцию 01.07.2016.

I. R. Sannikova

RECEPTION OF RELIGIOUS IMAGES AND MOTIVES IN POETRY BY ARSENY NESMELOV

The article deals with artistic interpretation of Christian images and motives in lyrics of the poet of the Russian Far East abroad Arseny Nesmelov. Analyzes Bible reminiscences, images of the saints, temple, angels, motive of a prayer, Last Judgement, reveals their literary filling. Studies the problem of artistic perception of God and belief by A. Nesmelov, reveals the absence of godless motives, synthesis of various religious directions, perception of belief as symbol of pre-revolutionary Russia. The analysis of poetic works proves that the bible text was well familiar to Nesmelov, and the lyric poet addressed to it to comprehend the modern world through the Eternal book. The poet admires the God's world, and the image of pre-revolutionary Russia is an example of its perfection. The main goal of creativity is to promote preservation of harmony and natural, natural life.

Key words: *Russian abroad of the Far East, Arseny Nesmelov, poetry, reception, Christian images and motives, pre-revolutionary Russia, emigration.*

References

1. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 6 / Otvet. red. V. N. Zakharov* [The evangelical text in the Russian literature of the XVIII–XX centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre: Collection of scientific works. Release 6 / Answer. edition V. N. Zakharov]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2011. 408 p. (in Russian).
2. *Russkaya literatura XIX veka i khristianstvo* [Russian literature of the XIX century and Christianity]. Moscow, MGU Publ., 1997. 383 p. (in Russian).
3. *Religioznye i mifologicheskiye tendentsii v russkoy literature XIX veka. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Religious and mythological tendencies in the Russian literature of the XIX century. Interuniversity collection of scientific works]. Moscow, Mosk. ped. un-t Publ., 1997. 181 p. (in Russian).
4. *Khristianstvo i russkaya literatura. Sbornik 7* [Christianity and Russian literature. Collection 7]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 408 p. (in Russian).
5. Vitkovskiy E. Formula bessmertiya [Immortality formula]. *Nesmelov A. Sobraniye sochineniy. Tom I. Stikhotvoreniya i poemy* [Nesmelov A. Collected works. Volume I. Poetry and poems]. Vladivostok, Al'manakh «Rubezh» Publ., 2006. Pp. 3–34 (in Russian).
6. Nesmelov A. *Sobraniye sochineniy. Tom I. Stikhotvoreniya i poemy* [Collected works. Volume I. Poetry and poems]. Vladivostok. Al'manakh «Rubezh» Publ., 2006. 560 p. (in Russian).
7. Yatsuga T. E. Molitva i nastavleniye v lirike Z. Gippius v svete teorii regul'yativnosti [Prayer and manual in the lyric poet Z. Gippius in the light of the theory of a regul'yativnost]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2004, no. 1 (38), pp. 41–44 (in Russian).
8. Babenko I. I. Sakral'no-religioznyy komponent v yazykovoy i kontseptual'noy kartine mira M. Tsvetaevoy [Sacral and religious component in a language and conceptual picture of the world of M. Tsvetaeva]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2005, no. 3 (47), pp. 33–39 (in Russian).

Sannikova I. R.

Amur State University of Humanities and Pedagogy.

Ul. Kirova, 17/2, Komsomolsk-na-Amure, Russia, 681000.

E-mail: euphoria1982@mail.ru